

ОПЫТ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ДАННЫХ
ПО УРАЛЬСКИМ ЯЗЫКАМ, РАСПРОСТРАНЕННЫМ
НА ТЕРРИТОРИИ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АО

Н. Б. Кошкарёва, О. А. Казакевич,
А. И. Кузнецова, Е. В. Кашкин, Ю. Б. Коряков

В рамках выполнения проекта «Составление диалектологического атласа уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» были разработаны три экспериментальные карты, на которые были нанесены лексемы, являющиеся эквивалентами русских слов ‘щека’, ‘трава’, ‘волк’ (русский в данном проекте используется в качестве метаязыка). Для ненецкого языка материал был собран в пос. Лаборовая, Нори, Антипаюта, Гыда, а также проверен с экспертом по приуральскому говору тундрового диалекта, уроженкой пос. Яроно Н. М. Янгасовой. Материалы по селькупскому языку записаны в пос. Красноселькуп, Часелька, Ратта, Толька (Пуровского р-на), Быстринка, по коми-зырянскому языку в пос. Мужы, Восяхово и Шурышкары, по хантыйскому — в пос. Шурышкары и Катравож.

‘Щека’ (см. Карта 1). Ненецкие и селькупские эквиваленты русского слова ‘щека’ одинаковы на всей обследованной территории. Для селькупского это лексема *пўтыл* ‘щека’. В ненецком эквивалентом русского ‘щека’ являются два слова — *паду* и *пайды*. В «Ненецко-русском словаре» Н. М. Терещенко [1965], составленном на основе большеземельского говора тундрового диалекта, эти два слова переводятся одинаково как ‘щека’, между ними устанавливаются взаимные соответствия через помету *ср.*, для обоих дается словосочетание с существительным *лы* ‘кость’: *пайды’ лы, паду’ лы* ‘скула’. По утверждению наших информантов, в значении этих слов имеются различия: *паду* обозначает мягкую переднюю часть лица около носа, тогда как слово *пайды* может быть употреблено более широко — по отношению ко всей щеке, в том числе и к боковой части возле уха. Слово *пайды* может сочетаться с существительным *лы* ‘кость’ для обозначения скулы.

В коми-зырянском и хантыйском языках специальной лексемы для выражения данного понятия нет, оно передается описательно — словосочетаниями или композитами, которые в обоих языках имеют сходное семантическое строение — ‘бок / сторона лица’.

В коми-зырянском языке в говоре пос. Мужы используется лексема *банбэк* (*банбэк*), в говорах пос. Восяхово и Шурышкары — *банбэк*. Существительное *банбэк* ‘щека’ образовано путем сложения слов *бан* и *бэк* (заимствовано из рус. *бок*). В литературном коми-зырянском языке лексема *бан* имеет значение ‘лицо, лицевая сторона чего-л.’, а наименование щеки выглядит как *бан бок* и трактуется словарями [Лыткин 1961; Сравнительный словарь... 1961]) как словосочетание. В обследованных говорах ижемского диалекта существительное *бан* имеет лишь значение ‘лицевая сторона (например, одежды)’, тогда как лицо обозначается русским заимствованием *рожа*. Поэтому для данных говоров, учитывая также ряд морфосинтаксических критериев, имеет смысл рассматривать *банбэк* как композит, а не словосочетание.

В шурышкарском диалекте хантыйского языка эквивалентом русского ‘щека’ являются словосочетания *вени пўңэл* и *вени хўщэң* (букв.: лица сторона), в приуральском — *венс хўщэң* (букв.: лица сторона). В шурышкарском и приуральском диалектах наблюдаются закономерные фонетические соответствия свистящих *ш* и *с* в слове *вени / венс* ‘лицо’ (ср. также: *кеши / кесы* ‘нож’, *вош / вос* ‘город’ мн. др.). Наличие двух возможных вариантов обозначения щеки в шурышкарском диалекте обусловлено, вероятно, его промежуточным положением между казымским и приуральским диалектами: для казымского диалекта в словаре В. Н. Соловар зарегистрировано выражение *вени пўңэл* [Соловар 2006: 60], для приуральского в словаре З.

И. Рандымовой — *венс хойцэң* [Рандымова 2011: 24], что полностью согласуется с собранными нами материалами. Слово *пўңал* ‘сторона’ известно во всех западных диалектах хантыйского языка, так же как и общехантыйский пространственный послелог *хуца / хойца* ‘к, у, в, при’, обозначающий местонахождение вблизи того или иного предмета, на основе которого в приуральском диалекте образовано имя *хойцэң* ‘сторона’, вероятно уникальное именно для данного диалекта. Однако в разных диалектах выбор между близкими по семантике лексемами оказался различным.

Таким образом, сходным для двух финно-угорских языков — хантыйского и коми-зырянского — является, с одной стороны, отсутствие особой лексемы для обозначения понятия ‘щека’, а с другой — тип построения эквивалентного словосочетания, который включает два компонента — ‘лицо’ и ‘сторона’, что противопоставляет эти языки двум изучаемым нами самодийским — селькупскому и ненецкому, в которых имеются специальные лексемы для обозначения этого понятия, в ненецком оно еще дополнительно дифференцируется.

‘Трава’ (см. Карта 2). В ненецком и селькупском эквивалентами для русского слова ‘трава’ являются *цум*’ и *нўты* соответственно. Фонетический облик этих слов одинаков на всей обследованной территории проживания ненцев и северных селькупов. Селькупское слово *нўты* обозначает как растущую траву, так и скошенную высушенную траву — сено. В разных говорах существуют различные варианты обозначения конкретных видов травы, в первую очередь, полезных в хозяйстве: все они представляют собой словосочетания со вторым компонентом *нўты*. В ненецком языке словосочетание *ня’ цум*’ (букв.: земляная трава) используется для обозначения осоки; словом *мўрэй* называют разновидность жесткой травы с крепким остовом, из которой делают циновки, подстилки для чума. Для наименования растений вообще, растущей травы используется слово *цамдэ*”(д), имеющее также значение ‘цветок’.

В коми-зырянском языке в говоре с. Мужи для наименования растущей травы используется, как и в литературном языке, лексема *турун*, и то же, по-видимому, верно для говора с. Восяхово. В с. Шурышкары распространено произнесение *турын*, но встречается и *турун*. Во всех обследованных говорах лексема *турун (турын)* имеет, помимо значения ‘трава (растущая)’, также значение ‘сено’ — что наблюдается и в коми литературном языке.

В шурышкарском диалекте хантыйского языка также зафиксировано слово *торн* ‘трава; сено’, его эквивалентом в приуральском является лексема *пўм* ‘трава; сено’. Интересно, что для казымского диалекта фиксируются обе эти лексемы: *пўм* [p m] ‘трава’ и *тури* ‘трава; сено’, в восточных диалектах, в частности в сургутском, также *пом* ‘трава, сено’ [Терёшкин 1981: 338]. Вероятно, наличие лексемы *торн / тури* в казымском и шурышкарском диалектах хантыйского языка обусловлено ареальными контактами с коми-зырянами, хотя необходимо уточнить возможность общего прафинно-угорского происхождения этого слова.

‘Волк’ (см. Карта 3). Наибольшим разнообразием отличается во всех исследованных нами языках название волка — зверя опасного, прежде всего для оленей, играющих важную роль в хозяйственной деятельности всех коренных народов Ямало-Ненецкого АО. Поэтому название волка табуировалось, и для каждого из языков имеются различные варианты описательных обозначений этого зверя по разным отличительным признакам:

1) название по функции *поедание оленей*:

— селькупский: *өтә-ль* (олень-адъект) *амы-р-ыль* (есть-хар. длит. детранз-прич) *сўрым/п/Ø* (зверь.ед.им) ‘зверь, питающийся оленями’ (букв.: оленя едящий зверь) (Красноселькуп, Фарково);

— хантыйский (*уды*) *пурты / порты вой* (букв.: (оленя) грызущий, кусающий зверь) (Шурышкары);

— ненецкий: *ты’ хану* (букв.: оленей убивающий);

2) название по функции *погона за оленями*:
 – селькупский: **нѣты** (Красноселькуп), **нѣтый** (Часелька). Относительно часельского варианта требуется некоторый комментарий: в нашем аудио-архиве имеется запись только одного часельского информанта, сделанная в Красноселькупе в 2002 г. (наш часельский информант приехал в райцентр по делам), поэтому трудно сказать, является ли конечный *й* в слове **нѣтый** специфической чертой часельского произношения или просто индивидуальной особенностью произношения нашего информанта; очевидно только, что *й* – это не морфологический показатель адъективной формы, поскольку наш часельский информант последовательно произносил соответствующий показатель как *ль*. И красноселькупские, и часельский информант пояснили это название волка следующим образом: «Мы называем волка ‘тот, кто гоняет оленей’». По форме **нѣты** основа глагола несовершенного вида **нѣ-ты-қо** (гнать-имп-инф) ‘гонять, догонять, преследовать’. Это интересный (и, насколько нам известно, до сих пор не отмечавшейся для северного наречия селькупского языка) случай конверсии: субстантивация глагольной основы;

3) название по признаку *исключительности*:
 – селькупский: **сўрым/п/∅** (зверь.ед.им) ‘зверь’ (Красноселькуп): зверь – это значит волк; следует, однако, отметить, что чаще так называют не волка, а медведя;

– ненецкий: **сармик** ‘зверь’; в ненецком слове **сармик** имеет самое общее значение ‘зверь’ и с определениями к нему может обозначать: **я’ сармик** ‘зверь, живущий на земле’ (букв.: земли зверь) – зайцы, песцы, горностаи и др.; **ид’ сармик** ‘рыба’ (букв.: воды зверь), **нуб’ сармик** ‘птица’ (букв.: неба зверь), а без определений, в самостоятельном употреблении обозначает волка;

– коми-зырянский: Муж: **зверь** (**звер**, **зьвер**), **лѣк зверь** (**лѣк звер**, **лѣк зьвер**); Восьяхово: **зверь**, **лѣк зверь**; Шурышкары: **зверь** (**звер**), **лѣк зверь** (**лѣк звер**). Для обозначения этого животного используется русское заимствование **зверь** (в нескольких фонетических вариантах – **зверь**, **звер**, **зьвер**), часто в словосочетании

лѣк зверь (букв.: плохой зверь), что является частным случаем подобной стратегии, так как родовое наименование используется в сочетании с определением. Коми литературное слово **кӧин** ‘волк’ в обследованных поселках не употребляется и лишь пассивно известно отдельным носителям, знакомым с литературным языком;

4) название по тому или иному отличительному признаку:

– в селькупском языке волк характеризуется по внешнему признаку *большая длина хвоста*: **чумпы** (длинный) **тальчы** (хвост.ед.им) ‘длинный хвост’ (Ратта), **тальчы-сымый** (хвост-облад) **сўрым/п/∅** (зверь.ед.им) ‘зверь, имеющий хвост’ (Ратта), **чумпы** (длинный) **тальчы-й** (хвост-адъект) **сўрым/п/∅** (зверь.ед.им) ‘длиннохвостый зверь’ (Только Пуровская);

– в коми-зырянском описательное название волка включает качественно-оценочную характеристику ‘плохой’: Муж: **лѣк зверь** (**лѣк звер**, **лѣк зьвер**); Восьяхово: **лѣк зверь**; Шурышкары: **лѣк зверь** (**лѣк звер**) ‘плохой зверь’;

5) название по *времени*, когда волк, в основном, выходит на охоту – опасному для человека, когда человек спит и не занимается хозяйственной деятельностью:

– хантыйский: **ат дайэдтыт** (букв.: ночь ждущий некто);

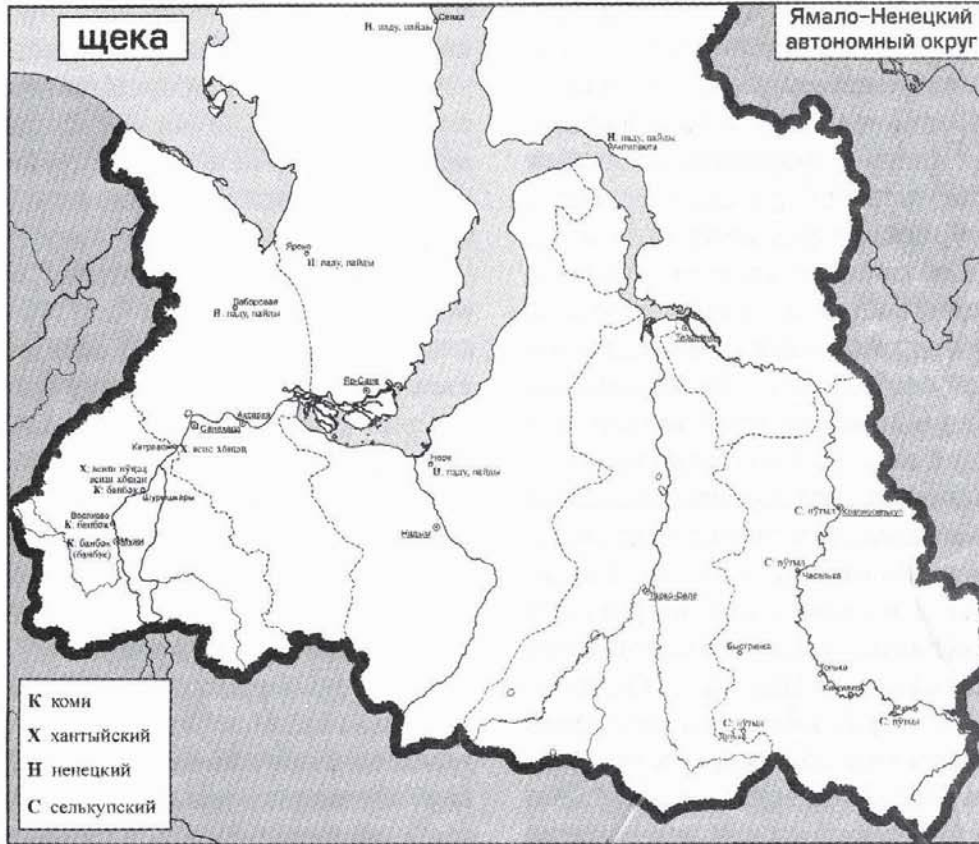
б) название по признаку обитания во внешнем, по отношению к человеку, пространстве:
 – ненецкий: **пивня ядэрта** (букв.: по улице гуляющий); **пихий** (букв.: уличный);

7) сакральные именованья, не употребительные в профанном языке:

– хантыйский: **евар** (Катравож).

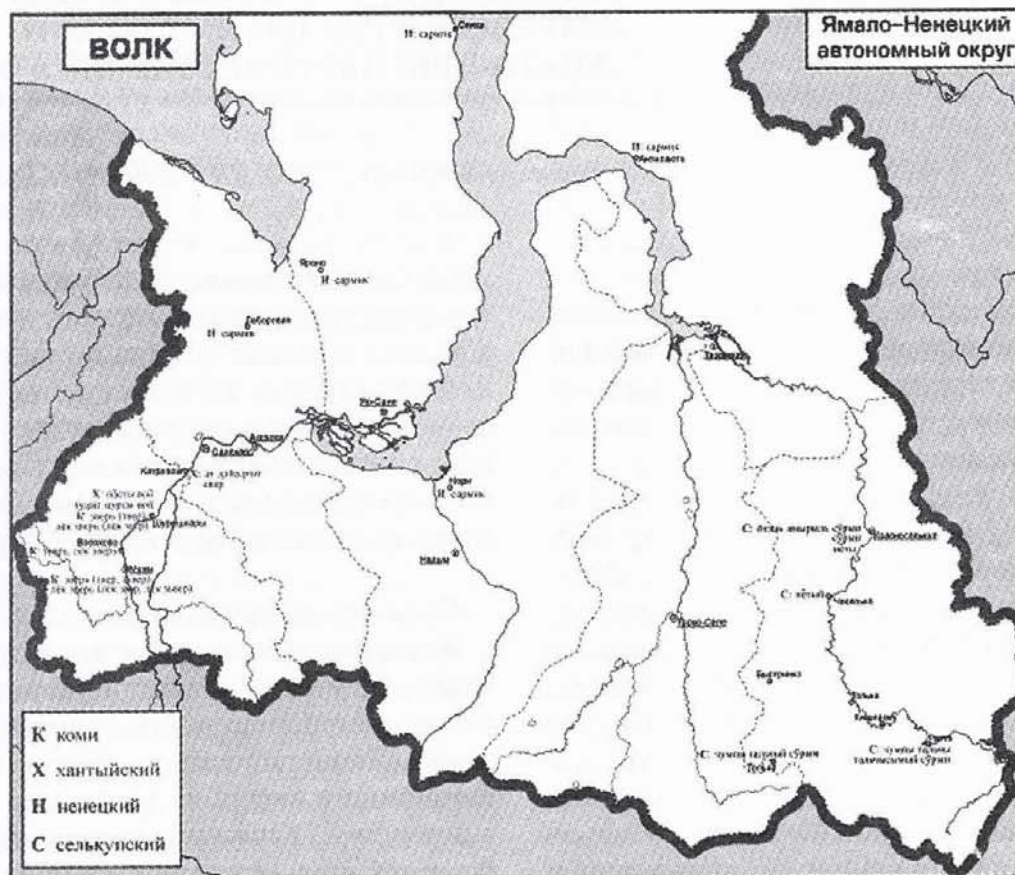
Таким образом, образование табуированных названий волка во всех языках на данной территории в целом сходно: самыми распространенными способами номинации являются словосочетания, содержащие компонент ‘олень’ как объект охоты волков, а также обозначение волка по признаку исключительности существительным с общим значением ‘зверь’, что является активной в данном ареале моделью, захватившей также и коми-зырянский язык.

Карта 1

Карта 2

Литература

- Лыткин В. И. (ред.) Коми-русский словарь. Москва, 1961.
 Рандымова З.И. Хантыйско-русский словарь (приуральский диалект). Салехард, 2011.
 Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь. СПб: ООО «Миралл», 2006.
 Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под общ. ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.
 Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.
 Терёшкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981.

Список сокращений

<i>адъект</i>	адъективная форма
<i>детранз</i>	показатель, образующий непереходный глагол
<i>ед</i>	единственное число
<i>им</i>	именительный падеж
<i>имп</i>	несовершенный вид
<i>инф</i>	неопределенная форма глагола
<i>облад.</i>	обладание
<i>прич</i>	причастие
<i>прич.дест</i>	предназначительное причастие
<i>хар.длит</i>	характеризационно-длительный вид